

СТАТЬИ

З. В. УДАЛЬЦОВА, Л. А. КОТЕЛЬНИКОВА

ВЛАСТЬ И АВТОРИТЕТ
В СРЕДНИЕ ВЕКА

В исторической науке в последние годы проблема власти и авторитета привлекает внимание ученых. В центре исследований находится прежде всего определение самих этих понятий в философском, социологическом и историческом аспектах¹. Сущность власти состоит в том, что она является общественным отношением, ее объектами и субъектами выступают люди — как отдельные личности, так и социальные группы и организации, — обладающие сознанием и волей². Сознательный, морально-этический фактор играет важную роль в функционировании любой власти.

По мере развития человеческого общества сущностное содержание понятий «власть» и «авторитет» претерпевает значительную эволюцию. Меняется как само понимание этих явлений, так и взаимная связь между ними. Причем, разумеется, определяющим фактором всегда остаются изменения общественных отношений.

Закономерности развития общественно-экономической формации, в которой существует тот или иной вид власти, определяют специфику властных отношений. В антагонистических формациях главной функцией органов власти — от центральной до местной — является реализация интересов господствующего класса и подавление сопротивления угнетенных и эксплуатируемых, что, естественно, вызывает сопротивление и постоянную борьбу со стороны последних.

Авторитет — особое свойство личности или социальной группы, оказывающей ненасильственное, морально-этическое воздействие на поведение другой личности или социальной группы. Сферы действия авторитета многообразны: может быть авторитет власти, опыта, таланта, знания, положения, примера, покровительства, защиты и т. п. Формы воплощения авторитета и сфера его действия зависят от исторической ступени развития общества, идеологических, религиозных, нравственных представлений эпохи. Разумеется, изучение данной проблемы невозможно без определения роли личности в историческом процессе. Та или иная личность, являясь носителем власти и авторитета, оказывает положительное или отрицательное воздействие на ход исторических событий.

Одной из центральных проблем при изучении исторических реалий таких явлений, как власть и авторитет, является выяснение их взаимных связей и взаимной обусловленности. В многообразной и красочной панораме всемирно-исторического развития человечества власть и авторитет как социофилософские категории и общественные явления, как правило, тесно связаны друг с другом. В определенные моменты они могут объеди-

¹ Кейсеров Н. М. Авторитет и власть. М., 1973; Кон И. С. Социология личности. М., 1967; Halbecq M. L'état, son autorité, son pouvoir. P., 1964; Salleron L. Autorité et commandement dans l'entreprise. P., 1960; Idem. Le fondement du pouvoir dans l'entreprise. P., 1965; Fossier R. Enfance de l'Europe. P., 1982. Vol. 2; Authority and Power: Studies on Medieval Laws. Cambridge, 1980; La notion d'autorité au Moyen Age: Islam, Byzance, Occident. P., 1978.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 18, с. 302—304, 342—344.

няться, порою сливаться, в другие — не совпадать и даже противоборствовать между собой.

В первобытном, бесклассовом обществе власть (органы родового строя) обладала авторитетом в глазах всего общества, т. е. власть и авторитет там совпадали. Ф. Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» писал: «Самый могущественный монарх и крупнейший государственный деятель или полководец эпохи цивилизации мог бы позавидовать тому, не из-под палки приобретенному и бесспорному уважению, которое оказывают самому незначительному родовому старейшине»³. Но и тогда процесс осуществления власти включал элементы принуждения, хотя этот факт и не означал, что органы управления утрачивали свой авторитет. Более того, органы родового строя обладали авторитетом даже в глазах нарушителя обычаев данного рода или племени.

Иную картину мы наблюдаем в классовом обществе. Здесь достаточно часто власть и авторитет не совпадали. Реальная сила и характер власти, живдившейся на материальных и социально-политических основах, часто зависели от изменений социальных структур и общественных связей, от столкновений противоборствующих классов, сословий, социальных, этнических и религиозных объединений, отдельных сильных личностей. Завоевание властью авторитета в антагонистическом обществе, как правило, всегда было связано с принуждением, что подрывало моральную ценность власти и уважение к ней.

Однако и здесь власти как материальной силе государства, светской, церковной организации, корпорации или сословия мог быть в известный момент присущ и авторитет как морально-этическая категория, феномен человеческого сознания, не допускающий принуждения. Поэтому нередко власть в лице государства, церкви, общественных объединений для приобретения авторитета прибегала не только к методам принуждения, но и к убеждению. Причем ориентиром в этой политике была социальная психология отдельных классов, сословий, широких народных масс. Авторитет господствующего класса был обусловлен характером общественного строя, различным отношением к власти со стороны классов, социальных групп и отдельных лиц. Однако авторитетность власти в конечном счете определялась степенью ее соответствия интересам большинства трудящихся — членов общества. Власть могла быть авторитетной для одного (господствующего) класса и его союзников и выступать как враждебная сила, лишенная авторитета, для другого класса или социальной группы. Огромное значение при этом имеет для той или иной исторической эпохи какой класс — передовой, растущий или уже уходящий с исторической арены — является носителем власти и авторитета в данном обществе.

Высказанные нами общие замечания методологического характера, бесспорно, относятся и к эпохе средневековья, хотя средневековое общество, конечно, сохраняет свои отличительные особенности. Многообразие форм государственной власти, могущество церкви, феодальная иерархия, корпоративный строй, сословные организации, городское самоуправление и общинные связи — все эти явления, естественно, наложили свой отпечаток на характер власти и авторитета в средние века.

Чрезвычайно важно для нашей темы рассмотрение различных политических теорий, призванных в то или иное время идеологически обосновать правомерность и законность власти правителей империй и королевств, подкрепить философскими, религиозными и историческими аргументами духовный авторитет их власти, определить отношения властителей с церковью, знатью, сословиями, народом, создать идеальный образ государя. Особый интерес вызывает и символика власти, нашедшая свое красочное воплощение в литературе, архитектуре и изобразительном искусстве, геральдике, нумизматике и сфрагистике средневекового мира.

При разработке темы «власть и авторитет в средние века» совершенно

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 174.

особое место занимает выяснение реальной власти и морального авторитета отдельной личности. И здесь мы часто встречаемся с несовпадением власти и авторитета в деятельности того или иного государя, полководца, правителя средневекового города, духовного лица, главы церковной иерархии. Более того, гармоническое сочетание высокого морального облика и личного авторитета правителя с его подчас неограниченной тиранической властью было, как правило, редко. Вместе с тем средние века дают множество примеров высокого нравственного авторитета руководителей оппозиционных течений, вождей народных движений, ересиархов, возглавлявших еретические выступления в различных регионах средневековой Европы. Их влияние на широкие народные массы было огромным. Нельзя забывать о том, что и церковь, заботясь о моральном авторитете церковной организации и духовенства, создавала различными способами нравственный авторитет, ореол святости и мученичества тем или иным религиозным деятелям (канонизация святых, житийная литература, проповедничество и т. п.).

Бесспорно, весьма интересен вопрос об авторитете мыслителей, философов, ученых, поэтов, художников, представителей творческой интеллигенции. В различные периоды средневековья их место в обществе и влияние на общественное мнение значительно менялись, но, безусловно, талант, сила ума и несокрушимость воли многих средневековых мыслителей, героизм в отстаивании своих идей часто приобретали высокий нравственный авторитет в средневековом мире.

Однако при определении власти и авторитета личности в средние века никогда нельзя забывать о субъективности оценок источников, различии социальных и идеологических критериев средневековых авторов при характеристике того или иного политического, религиозного и общественного деятеля. Одно и то же лицо для одних могло быть героем, для других тираном и злодеем. Все это заставляет быть особенно внимательными в исследовании данной проблемы.

В статье освещаются лишь отдельные аспекты темы «власть и авторитет в средние века» на примере Византии и средневековой Италии, что обусловлено научными интересами авторов.

ВЛАСТЬ И АВТОРИТЕТ В ВИЗАНТИИ

Своеобразие исторических судеб Византии определило специфику власти и авторитета государства и церкви в византийском обществе. В течение всего своего тысячелетнего существования Византийская империя оставалась централизованным монархическим государством. Ни в одной сфере общественной жизни отличие Византии от Запада и ее сходство со странами Востока, в частности с сасанидским Ираном и позднее с Арабским халифатом, не бросается так в глаза, как в организации государственной власти. Вместе с тем в сфере государственного устройства в Византии были особенно устойчивыми традиции Поздней Римской империи⁴.

Наибольшего расцвета власть государства и государственная централизация достигли в ранней Византии. В то время Византия выступала как единственная законная наследница великого Рима и претендовала на то, чтобы быть повелительницей всей цивилизованной ойкумены. И хотя реальная действительность варварских нашествий резко контрастировала с этими притязаниями византийцев, идея всемирной монархии с центром в Константинополе жила не только в самой Византии, но и в варварских королевствах Запада. Вплоть до создания на Западе империи Карла Великого варварские королевства — пусть номинально — все же признавали верховную власть константинопольского императора; варварские

⁴ Удалцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии. — ВВ, 1974, 36, с. 3—30; Удалцова З. В. Проблемы типологии феодализма в Византии. — В кн.: Проблемы социально-экономических формаций. М., 1975, с. 124—157; Она же. Византия и Западная Европа. — В кн.: Византийские очерки. М., 1977, с. 3—65.

короли почитали за честь получать от него высшие имперские титулы и пышные инсигнии своей власти; латинские хронисты зачастую вели летоисчисление по годам правления византийских василевсов, а при дворах западных правителей чеканились монеты, имитирующие византийские солиды. Долгое время многие правители Юго-Восточной и Западной Европы стремились не только подражать обычаям и нравам византийского двора, но и использовать византийскую систему государственной власти в качестве образца при создании административного аппарата в своих странах ⁵.

В VI в. в правление императора Юстиниана (527—565) Византия пережила невиданный подъем своего могущества, быть может, самый блестящий за всю ее историю.

В ранней Византии постепенно кристаллизуется одна из фундаментальных идей средневековой идеологии — идея союза церкви и христианской империи (*Imperium Christianum*). Необходимым условием этого союза для теоретиков христианства была правоверность христианской церкви, правоверие императора. Со времени императора Константина христианская концепция императорской власти постепенно сливается с римской государственной теорией. Именно в ранней Византии были заложены теоретические основы господствовавшей долгое время в империи политической теории симфонии, гармоничных отношений между православной церковью и христианским императором. С Византийской империей связывается идея ее христианской, провиденциальной избранности. Культ императора — правителя всей православной ойкумены и культ державы ромеев — защитницы и покровительницы христианских народов, проповедь исключительности византийской государственности — вот фундамент, на котором строилось понимание верховной власти в Византии. Эта власть воплощалась в стройную иерархию политического и административного устройства империи. По своему содержанию содержание власти государства в Византии представляла собой самодержавную монархию, во главе которой стоял император ⁶.

Власть императора считалась божественной и не была ограничена никакими условиями, никаким «общественным договором». Император мог казнить подданных и конфисковать их имущество, назначать и смещать должностных лиц, издавать законы. Он был высшим судьей, руководил внешней политикой и командовал армией. И все же теоретически беспредельная власть византийского государя нередко оказывалась фактически ограниченной. Ахиллесовой пятой верховной власти в Византии было отсутствие права наследования императорского престола. Власть монарха не являлась привилегией того или иного аристократического рода и поэтому не наследовалась сыном императора по закону. Это открывало путь ко всевозможным узурпациям и ожесточенной борьбе за трон. Часто самодержавные василевсы на деле были игрушкой в руках борющихся социальных группировок. Многие византийские государи правили недолго и кончали пострижением в монахи, ослеплением или гибелью от рук наемных убийц. Юридически абсолютная власть монарха была фактически ограничена влиянием, и весьма значительным, высших чиновников, сената, знати, а в ранний период и городских организаций (димов) ⁷.

Средоточием власти монарха был Константинополь, резиденция императора, двора, высшей знати и бюрократии. Столица всегда оставалась

⁵ История Византии. М., 1967. Т. 3; *Obolensky D. The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500—1453*. New York; Washington, 1971.

⁶ Культура Византии. М., 1984, т. 1, с. 98—118; *Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire byzantin*. P., 1975; *Beck H.-G. Das byzantinische Jahrtausend*. München, 1978; *Zakythinos D. A. Etatismes byzantine et expérience hellénistique*. Mélanges H. Grégoire. I.—Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves, 1950, t. 8. Литературу вопроса см.: Культура Византии, т. 1, с. 691—692.

⁷ Культура Византии, т. 1, с. 14—41.

местом пребывания имперского правительства, центром управления всем государством. Константинополь стал центром идейной жизни империи, где формировалась политическая доктрина власти императора, византийской государственности, вынашивались стратегические планы усиления власти и авторитета империи во всем средневековом мире. Константинополь, естественно, был и средоточием византийской культуры и образованности. Более того, и это очень важно для нашей темы, Константинополь постепенно стал символом власти Византийской державы и императора ромеев⁸.

Этот «Великий город», воспетый византийскими писателями и передаваемый проклятию врагами, по своей роли в истории Византии и по своему авторитету в международной жизни средневековья мог сравниться лишь с Римом. И, конечно, не с тем захолустным Римом, каким стал Вечный город в эпоху раннего средневековья, а с императорским Римом времен его расцвета. Ведь недаром до последних своих дней Константинополь сохранял гордое название «Нового Рима».

Идеализация власти императора и византийского государства нашли многообразное отражение в сложной титулатуре властителя державы ромеев, в пышном этикете византийского двора, в создании разветвленной дипломатической системы, в табели о рангах византийского чиновничества, в роскошных императорских одеждах и символах власти, византийском искусстве, императорских монетах, печатях и многом другом⁹. Безудержная лесть звучала в похвальных речах (энкомиях) риторов и поэтов, в литературных произведениях, прославлявших добродетели и подвиги императоров. В политической теории ранней Византии был создан образ идеального государя: он должен был сочетать христианское благочестие с гражданскими добродетелями — заботой о благе подданных, поддержанием мира и порядка, справедливостью, компетентностью в государственных делах, умеренностью в личной жизни. Но сквозь завесу официальной лести очень трудно восстановить истинный образ того или иного правителя. Характеристики императоров буквально пестрят противоречивыми оценками. Благочестивый император Константин, столь прославленный церковными историками, особенно Евсевием Кесарийским, у других писателей (Аммиан Марцеллин, Филосторгий) предстает как жестокий тиран, убивший жену и сына¹⁰. Поразительная фигура ранневизантийской истории — философ на троне Юлиан Отступник, соединявший возвышенный ум мыслителя, энергию реформатора и храбрость воина с самыми нелепыми суевериями, верой в магию и колдовство, за свое веротступничество удостоился проклятий и неистовой хулы идеологов христианства и столь же безграничных похвал приверженцев языческой религии¹¹. Наиболее разительным примером двойственности оценок современников, конечно, служат император Юстиниан и его жена Феодора.

В официальных трудах Прокопия Кесарийского Юстиниан изображен как великий правитель, мудрый законодатель и реформатор, прозорливый политик, добившийся почти полного восстановления Римской империи. В «Тайной истории» того же Прокопия Юстиниан — натура двуличная, исполненная всяческих пороков, коварный и жестокий деспот, истреблявший целые народы без малейшего угрызения совести. Иными словами, в изображении Прокопия в Юстиниане существуют как бы два человека, вечно противоборствующие друг с другом. Столь же противоречива и

⁸ *Dagron G.* Naissance d'Une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974; *Guillou A.* La civilisation byzantine. P., 1974; *Ensslin W.* The Emperor and the Imperial Administration in Byzantium. Oxford, 1961.

⁹ *Grabar A.* L'empereur dans l'art byzantin. P., 1936; *Haussig H. W.* History of Byzantine Civilization. L., 1971; *Wessel K.* Die Kultur von Byzanz. Frankfurt a. M., 1970; *Treitinger O.* Die Oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell von Oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Darmstadt, 1956.

¹⁰ Культура Византии, т. 1, с. 124—139, 182—190, 205, 212—223 и др.

¹¹ *Browning R.* The Emperor Julian. L., 1975; *Удальцова З. В.* Филосторгий — представитель еретической церковной историографии. — ВВ, 1983, 44.

характеристика императрицы Феодоры. В юности — это развратная куртизанка, глубоко погрязшая в пороках, злоречивая и остроумная, в зрелости — мудрая правительница, обладавшая недюжинным умом, непреклонной волей и личным мужеством ¹².

В этих характеристиках правителей империи, разумеется, нашли отражение внутренняя противоречивость самих участников исторических драм, зигзаги в их деятельности, изменения их психологии. Вместе с тем противоположность оценок была обусловлена социально-политическими воззрениями самих авторов, их династическими и личными пристрастиями, классовой, «партийной» и религиозной принадлежностью. Но очевидно и другое. Неограниченная верховная власть правителей империи весьма часто не подкреплялась высоким моральным авторитетом уважением и любовью подданных. Этот исторический феномен, думается, объясняется сложностью и нестабильностью жизни византийского общества, особенно в период перехода от поздней античности к средневековью.

Видное место в исследовании проблемы власть и авторитет в Византии занимает анализ особенностей церковной организации в империи и ее взаимоотношений как с императорской властью, так и с папским престолом.

Между восточной (православной) и западной (католической) церквами с самого начала наметились существенные различия. Хотя и та и другая генетически восходили к единой вселенской церковной организации, каждая из них пошла своим особым путем. Номинально церковное единство признавалось и Римом и Константинополем, но фактически в течение столетий между папским престолом и константинопольской патриархией шла никогда не заглушавшая то подспудная, то открытая борьба за религиозное и политическое главенство. Между ними очень рано возникли значительные расхождения как социально-политического, так догматического, обрядового характера. Эти расхождения, разумеется, во многом отражали различия в общественной структуре и идейной жизни Византии и Запада. В Византии церковь не имела той экономической и административной автаркии, какая сложилась в Западной Европе. Церкви и монастыри в ранней Византии, хотя и были крупными землевладельцами и пользовались рядом привилегий, так и не превратились в независимые замкнутые поместья, подобно церковным вотчинам и аббатствам Запада. Православная церковь и экономически, и политически в большей степени, чем католическая, зависела от государства, от императорских пожалований, теснее была связана с централизованной государственной системой ¹³.

Если на Западе складывалась централизованная церковная организация под главенством римского папы, то на Востоке господствовала система пентархии — одновременного существования пяти полноправных патриархий в Риме, Константинополе, Александрии, Антиохии и Иерусалиме. Между восточными патриархами не было единства, и они не хотели признавать полного главенства одного из патриарших престолов. Рим и Константинополь постоянно спорили из-за первенства, в ранний же период с подобными притязаниями выступали и другие патриархии. В православной церкви церковные соборы стояли выше патриархов, и лишь они являлись создателями церковных канонов. Вместе с тем они сами подчинялись светской власти, в отличие от Запада, где церковные соборы, как правило, выполняли волю папского престола ¹⁴.

¹² *Browning R. Justinian and Theodora. L., 1971; Удалыцова З. В. Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974; Она же. Мировоззрение Прокопия Кесарийского. — ВВ, 1971, 32, с. 8—22.*

¹³ *История Византии. М., 1967, т. 3, с. 313—316; Geanakoplos D. S. Church and State in the Byzantine Empire. — In: Byzantina East and Latin West. Oxford, 1966; Beck H.-G. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1977; Idem. Geschichte der orthodoxen Kirche im byzantinischen Reich. Göttingen, 1980.*

¹⁴ *История Византии, т. 1, с. 144—163.*

Союз государства и православной церкви был скреплен созданной идеологами православия доктриной о божественном характере власти византийских василевсов и богоизбранности христианской империи¹⁵.

В Византийской империи православные иерархи, за редким исключением, не претендовали на главенство над могущественной светской властью. Православная церковь в Византии, существовавшая в условиях централизованного государства, не являлась носителем универсалистских тенденций, подобно папству на Западе, а, наоборот, проповедовала единение церкви и государства. Иными словами, реальная власть церкви была значительно ограничена сильной государственной властью, и история Византии изобилует примерами, когда важнейшие догматические и даже канонические вопросы православной религии решались не церковными соборами или патриархами, а светской властью в лице императоров. Разумеется, в церковной жизни империи встречались и непокорные патриархи и религиозные деятели, стойко отстаивавшие свои убеждения, но победа почти всегда оставалась на стороне светских правителей.

Влияние и моральный авторитет церкви менялись в различные периоды византийской истории. Для ранней Византии характерно возрастание власти и духовного авторитета епископов на местах, часто выступавших защитниками населения городов, центров их епархий. Совершенно особое место в ранний период занимает борьба сторонников различных религиозных течений: ариан, несториан, монофиситов, халкедонитов. В эту борьбу были вовлечены широкие массы населения империи. Религиозно-догматические столкновения, как правило, связанные с социальными, этническими, социально-психологическими разногласиями в отдельных регионах Византийского государства, породили религиозных деятелей, которые фанатической стойкостью в защите своих воззрений, силой убеждения и преданностью идее заслужили высокий духовный авторитет среди своих сторонников (Арий, Несторий, Диоскор, Евтихий и др.). Влиянием на народные массы пользовались и христианские проповедники — такие, как Иоанн Златоуст или Иоанн Дамаскин.

Византия была колыбелью многих ранних народно-еретических движений. Пестрота их необычайна: среди них мы встречаем сторонников различных учений, в том числе самых радикальных дуалистических сект демократического характера, подобных манихеям, монтиантам и месалианам. Идеальные истоки религиозно-философских и этических представлений, лежавших в основе большинства византийских ересей, надо искать на Востоке. Для них были характерны дуализм, глубокая вера в извечную противоположность добра и зла, мира бога и царства сатаны, духа и плоти. Религиозная экзальтация, граничащая с мистическим экстазом, жажда мученичества, страстный протест против всех погрязших в пороках земных правителей, бунтарский дух, соединенный с бескомпромиссным аскетизмом, полное отречение от земных радостей — вот черты, создававшие моральный авторитет некоторым наиболее радикальным еретическим учениям ранней Византии.

Несмотря на наличие весьма существенных оттенков в характере еретических течений в ранней Византии, во все эти движения, разумеется, в разной степени, всегда были вовлечены народные массы. Это неизбежно придавало ересям не только религиозную, но и социальную окраску¹⁶. Источники почти не сохранили имен руководителей ранних еретических движений в Византии. Лишь косвенные данные хронистов свидетельствуют об их высоком духовном авторитете среди сектантов. Благодаря «Истории» Петра Сицилийца мы несколько больше знаем о павликианском движении в империи в IX в. и его вождах: Константине-Сильване, Сергии-Тихике, Карвее и Хрисохире. Если первые два пользовались как проповедники и организаторы сект преимущественно духовным авторите-

¹⁵ Winkelmann F. Die Kirchengeschichtswerke im oströmischen Reich.— BS, 1976.

¹⁶ История Византии, т. 1, с. 267—281. Литература — там же, с. 500—501.

том, то по мере превращения павликианства в широкое народное движение с центром в Тефрике Карвей и Хрисохир, обладавшие высоким моральным авторитетом, сосредоточили в своих руках и большую военную и гражданскую власть. Соединение власти и авторитета в лице руководителей народно-еретических движений было достаточно распространенным явлением в Византийской империи и на Балканах (движение богомилов) ¹⁷.

Видное место в социальной стратиграфии византийского общества принадлежало научной и художественной интеллигенции. Культурная элита: получившие прекрасное классическое образование юристы — знатоки права и юриспруденции, знающие врачи, писатели, грамматика и риторы, преподаватели высших и средних школ, поэты, историки, художники, архитекторы — бесспорно, играла выдающуюся роль в культурной жизни городов, и особенно Константинополя. Источники единодушны в описании значительного интеллектуального авторитета представителей этого социального слоя. Среди константинопольской интеллигенции, безусловно, были привилегированные группировки. К ним, в частности, принадлежали придворные врачи, лечившие императора и его семью; это были богатые люди, которым был открыт доступ к высшим государственным чинам. Архитекторы, строители, инженеры, строившие дворцы и храмы столицы, тоже были достаточно известны. Слава о строителях Софии Константинопольской, великих архитекторах VI в. Анфимии из Тралл и Исидоре из Милета распространилась по всей империи. Весьма влиятельной прослойкой византийской интеллигенции были юристы, адвокаты, знатоки юриспруденции. Создание свода гражданского права при Юстиниане обесмертило имена квестора Трибуниана, профессора права Феофила, Дорофея и других юристов VI в. ¹⁸

Преподаватели высших школ получали жалованье от государства и были освобождены от налогов, муниципальных повинностей, военной службы и постоя солдат. Им был открыт доступ в ряды чиновной аристократии. Профессора Университетов носили особую почетную одежду. Высшее образование стоило дорого, и получить его могли лишь дети достаточно состоятельных родителей. Вместе с тем в Константинополе среди интеллигенции было немало людей необеспеченных, нуждавшихся в заработке. Эти социальные различия в среде византийской интеллигенции касались, видимо, всех свободных профессий. Положение многих образованных талантливых интеллигентов ранней Византии зачастую было весьма незавидным. Материальная необеспеченность, необходимость зарабатывать на жизнь, занимаясь нелюбимым трудом в ущерб занятиям литературой и искусством, политическая и моральная зависимость от придворной аристократии и императорского двора — все это затрудняло их творческую деятельность. Так, византийский поэт и историк VI в. Агафий горько жалуется на свою судьбу. Выходец из образованной, но небогатой семьи, он принужден был зарабатывать себе на жизнь трудом юриста, хотя душа его была устремлена к поэтическому творчеству ¹⁹.

Большой популярностью в ранней Византии еще пользовались языческие риторы Ливаний, Фемистий и Гимерий, они заволаживали слушателей блеском и отточенностью классического стиля, необычайной эрудицией, знанием тайн ораторского искусства. Однако их нередко затмевал своим

¹⁷ Липшиц Е. Э. Очерки истории византийского общества и государства в VIII — первой половине IX века. М.; Л., 1961, с. 132—169; Бартикян Р. М. Петр Сицилийский и его «История павликиан». — ВВ, 1961, XVIII, с. 323—358; Loos M. Dualist Heresy in the Middle Ages. Praha, 1974; Lemerle P. L'histoire des Pauliciens d'Asie Mineure d'après les sources grecques. — Travaux et mémoires, 1973, 5, p. 1—144; Удальцова З. В. Византия и Западная Европа. — В кн.: Византийские очерки. М., 1977, с. 60—63; Ангелов Д. Богомилство в България. София, 1969.]

¹⁸ Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии IV—VIII вв. Л., 1981; Удальцова З. В. Законодательные реформы Юстиниана. — ВВ, 1965, XXVI; 1967, XXVII; Культура Византии, т. 1, с. 358—370.

¹⁹ Удальцова З. В. Мирозазрение византийского историка VI в. Агафия Миринейского. — ВВ, 1968, XXIX, с. 153—169.

талантом, неукротимым темпераментом и силой воздействия на народные массы Иоанн Златоуст, гневно бичевавший пороки языческой знати и растленность языческой морали²⁰. В поэзии того времени причудливо сочетается христианское содержание с эллинской, классической формой, что нашло отражение в гимнах Синесия, эпиграммах Паллада, Григория Назианзина, Павла Силенциария, в эпической поэзии Нонна Панополитанского. Постепенно все большее влияние на умы современников приобретали христианские философы, риторы, поэты, и прежде всего Василий Кесарийский, Григорий Нисский и Григорий Назианзин. Их творчество — яркий пример сочетания христианского богословия с классической образованностью. В VI в. появляется такой выдающийся поэт, гимнограф и музыкант, как Роман Сладкопевец, черпавший свое вдохновение из народного творчества. Его поэзия оказала огромное влияние на всю византийскую гимнографию последующего времени²¹. Интеллектуальный авторитет этих видных представителей философско-богословской мысли и творческой интеллигенции был в ранней Византии достаточно высок, и влияние их распространялось в совершенно различных социальных кругах византийского общества²².

АВТОРИТЕТ И ВЛАСТЬ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИТАЛИИ

Несколько кратких экскурсов из истории средневековой Италии позволят, как нам кажется, представить как многообразие, так и изменчивость содержания понятий «власть» и «авторитет», их взаимосвязь и взаимообусловленность на разных этапах исторического развития страны, в разной социальной и политической среде.

Законодательство лангобардских королей — эдикты Ротари, Гримоальда, Лиутпранда, Ратхиса, Айстульфа²³ — уделяет первостепенное внимание сохранению и упрочению авторитета королевской власти среди подданных, в том числе и среди свободных лангобардов. Главной опорой лангобардских королей в их нередком противоборстве с герцогами была служивая знать: управители королевских имений — гастальды, высший слой дружинников — газинды, королевские судьи и другие представители королевской администрации, военачальники. В их глазах короли и обладали прежде всего авторитетом. Вместе с тем в VII — середине VIII в. основная масса свободных лангобардов продолжала быть воинами и обладала политическими правами, главным из которых было участие в общем собрании всего племенного союза, которое выбирало королей, обсуждало и издавало законы. Тем самым основная масса свободных лангобардов в той или иной степени также продолжала быть опорой королевской власти, и в их глазах королевская власть была авторитетна, хотя, как мы увидим, этот авторитет постепенно падал и нуждался в его «подкреплении» методами принуждения. Римляне, будучи подчиненным населением, в этот начальный период к решению общегосударственных вопросов не допускались. Впрочем, дискуссии об их реальном статусе в государстве лангобардов и времени возобновления их участия в политической жизни продолжают. По мере феодализации общества, роста имущественной и социальной дифференциации свободного населения сокращались и политические права большинства свободных лангобардов: постепенно на первый план выдвигалось местное собрание сотни — *gairèthinx*, функ-

²⁰ Культура Византии, т. 1, с. 331—357. Литература — там же, с. 698—699.

²¹ Культура Византии, т. 1, с. 272—330; *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977; *Он же.* На перекрестке литературных традиций: (Византийская литература: истоки и творческие принципы). — Вопросы литературы, 1973, № 2. Литературу см.:¹ Культура Византии, т. 1, с. 697—698.

²² *Удальцова З. В.* Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры. — ВВ, 1980, 41, с. 46—67.

²³ *Beyerle F.* Die Gesetze der Langobarden. Weimar, 1947; cp.: *Bognetti G. P.* Longobardi e romani. — In: *L'età longobarda.* Milano, 1966, I; *Leicht P. S.* Storia del diritto Italiano: Il diritto publico. Milano, 1950, p. 67—124.

ция которого все больше ограничивалась судебными и имущественными делами, актами отпуска рабов на волю (Ro, § 167, 172, 224, 375 и др.). Компетенция народного собрания племенного союза лангобардов сокращалась, участие в нем рядовых свободных лангобардов становилось все более нерегулярным, а подчас сопровождалось открытым неповиновением королевским должностным лицам (Ro, § 8), что в немалой степени было обусловлено снижением имущественного и социального статуса массы рядовых свободных лангобардов. Не случайно уже во Вступлении к эдикту Ротари идет речь о насилиях над бедными со стороны имущественно состоятельных лиц (*propter adsiduas fatigationes pauperum, quam etiam superfluas exactiones ab his maiore virtute habentur*).

Основные политико-административные и судебные функции власти переходили к феодализирующейся знати — как лангобардской, из верхушки королевских служилых людей, так и представителям прежней римской знати, из сенаторского сословия и богатых поссессоров, сохранивших свое богатство и влияние (ср. Ro, § 14, 48, 74, 75, 251, 263; Li, § 62, 63, 118, 83, 133; Ra, § 1/2; Aist., § 3 и др.).

Поддерживать и укреплять авторитет королевской власти был призван целый ряд законодательных распоряжений: более высокий вергельд и особый статус людей из служилой знати (Ro, § 17; Ra, § 14); авторитет церкви: «*Ego in dei omnipotentis nomine Liutprand, excellentissimus rex gentis felicissimae ac catholicae deoque dilectae langobardorum*».

Виновный в преступлении, совершенном с ведома короля (вплоть до убийства), освобождался от наказания (Ro, § 2, 3, 41). Отпуск серва на волю по приказанию короля означал приобретение отпущенником максимума полноправия свободного человека, что приравнялось к отпуску на свободу «на перекрестке четырех дорог»: *Similiter et qui in pans (id est: in votum regis) demittitur, ipsa lege vivat, sicut et qui amund factus est* (Ro, § 224).

В то же время о падении королевского авторитета и, более того, о растущем сопротивлении королю и распоряжениям королевских должностных лиц свидетельствуют многочисленные проступки и преступления, которые наказываются в двойном размере по сравнению с аналогичными преступлениями, направленными против других граждан государства. Это — нежелание выполнять распоряжения королевских служащих и даже их убийство (Ro, § 374), подстрекательство к покушению на короля или заговор против короля, каравшиеся смертной казнью (Ro, § 1), мятеж в войске против назначенного королем командующего (Ro, § 6), мятеж в городе во время нахождения в нем короля (Ro, § 37). Естественным следствием имущественных и социальных процессов в лангобардском обществе было отстранение основной массы свободных лангобардов от обсуждения и утверждения законов — эдиктов. Если эдикт Ротари был составлен в 643 г. «с согласия судей и всего войска» (*pari consilio parique consensu cum primatos iudices cunctosque felicissimum exercitum nostrum augentes constituimus*), присутствовавших на народном собрании (Ro, § 386), то в Прологе эдикта Гримоальда (668 г.) уже говорится о провозглашении эдикта «по предложению судей и с общего согласия всех присутствовавших». В Прологе же законов Лиутпранда (713 г.) сказано, что они составлены «с участием всех судей Австрии, Нейстрии и Тусции и остальных верных лангобардов» и лишь «в присутствии и с общего согласия всего народа» (*una cum omnibus iudicibus tam de austriacae et neustriacae partibus necnon et de tusciae finibus, vel cum reliquis fidelibus meis langobardis et cuncto populo adsistente, hac nobis commune consilio*). В Прологе к законам того же Лиутпранда от 720 г. говорится еще более ясно, что эти законы составлены и одобрены богатыми и влиятельными приближенными короля, и только в конце упоминается «присутствие всего народа» (*una cum inlustribus veris obtimatibus meis neustriacae austriacae et tusciae partibus, langobardis... asistente omni populo*).

Своеобразное соотношение между властью и авторитетом епископа складывалось в находившихся под его властью в IX—XI вв. городах

и многочисленных построенных в X—XI вв. бургах. Известно, что многим епископам в Италии, центры диоцезов которых находились в городах, удалось значительно укрепить свой авторитет и светскую власть над населением города и округи в результате пожалований от королей и императоров иммунитета и бана. В соответствии с этими пожалованиями епископам предоставлялись права высшей юрисдикции, значительные торговые и финансовые привилегии, нередко право чеканки монеты и право на основание и строительство новых бургов. Тем самым епископ выступал как бы в двух ипостасях: защитником и покровителем городских жителей перед лицом императора, а в глазах последнего — его верным представителем в городе. Однако растущая мощь торгово-ремесленного населения или связанных с торговлей и ремеслом проживающих в городе землевладельцев делали для горожан все более тягостным подчинение епископу. Длившаяся десятилетиями борьба порой в докоммунальный период принимала весьма острые формы, в том числе и изгнание горожанами епископа из города. Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов то обстоятельство, что возможность получить защиту и покровительство могущественного церковного сеньора в условиях неуверенности и нестабильности, создаваемых непрерывной и повседневной борьбой различных феодальных группировок, привлекала в города и во вновь основанные бурги, подчиненные епископу — обладателю королевского бана, немало новых поселенцев, но в целом сила и влияние авторитета епископа как светского властителя в городе и бурге, несмотря на многократные иммунитетные и баналитетные пожалования королей и императоров, имели явственную тенденцию к уменьшению, хотя реальная власть епископа в городе и бурге сохранялась еще долго (в той или иной степени и после установления консульского правления в конце XI — начале XII в.). Причем здесь речь идет как о судебно-политической, так и о поземельной власти над населением города и округи, находившегося в положении держателя или арендатора епископских земель.

Показателен тот факт, что параллельно с королевскими пожалованиями епископам высших судебно-политических полномочий происходила в некотором роде передача их всей городской общине. Это было связано с ростом общественного самосознания жителей города и укрепленного бурга, все больше осознававших себя как городская или сельская община и соответственно активно стремившихся добиться автономии как в экономической, так и административно-политической области. Короли и императоры должны были так или иначе считаться с этими фактами, и они это делали, порой адресуя свои пожалования непосредственно не епископу (который иногда в грамоте даже не упоминается), а коллективу жителей — городской общине (ср. диплом Беренгария I от 904 г. *cives* Бергамо, диплом Беренгария II от 958 г. *cives* Генуи и др.). Сами жители соседних городов, без участия епископа или его должностных лиц, решали споры о границах диоцезов, содержании драгоценных металлов в монете, которую разрешалось чеканить их епископу, и т. п. (ср. споры Болоньи и Модены в 969 г., соглашения, достигнутые в 945 г. между Мантуей, Вероной и Брешией). Впрочем, наиболее важные вопросы, касающиеся управления городом, чеканки монеты, принадлежности тех или иных земель городу или епископу, решались представителями городской верхушки — наиболее влиятельными и авторитетными в силу своего положения и богатства людьми городской общины — купцами, судьями, нотариями, должностными лицами короля или графа, а также и того же епископа. Королевские и императорские дипломы именуют их как *primores, potentiores, concilium seniorum, domini civitatis, ordo illorum, qui leges et iura civitatis asserunt* ²⁴.

²⁴ Котельникова Л. А. Городская община в Северной и Средней Италии в VIII — X вв.: Действительность раннего средневековья и античные традиции. — В кн.: Страны Средиземноморья в эпоху феодализма. Горький, 1975, 2, с. 60—72; Котельникова Л. А. Die italienische Stadt des frühen Mittelalters (VIII—X. Jahrh.) und ihre Rolle im Prozess der Genesis des Feudalismus. — In: Stadtgemeinde und

Политический кризис городов-республик и утверждение господства синьории, проблема авторитетности и законности новой власти и ее практические шаги нашли широкое отражение в политической мысли итальянских гуманистов и публицистов XV в. Преобладающим мотивом их сочинений была защита республиканских демократических институтов (при этом с определенным преувеличением их достоинств и демократизма) и ненависть к единоличному правлению синьора (тирана). Авторитет и славу известному флорентийскому гуманисту Маттео ди Марко Пальмиери принесли его блестящие сочинения: диалог «О гражданской жизни» и «Речь о справедливости», произнесенная при избрании его на пост гонфалоньера компаний. Оба этих произведения пронизаны идеями гражданского гуманизма и республиканизма. Главный тезис Пальмиери: подлинный носитель справедливости — народ, а пополанская республика того типа, которая существовала во Флоренции в 30—40-х годах XV в., — наилучшая форма ее воплощения. Пальмиери обращается к магистратам с призывом соблюдать принцип справедливости «словом и делом» во имя общего блага, не преследуя собственной выгоды (*ed ogni vostro detto e fatto all'universale salute di tutti s'addirizzi, dimenticando la spezialità e proprio commodo*). Признание сограждан Пальмиери принесла не только его литературная и научная деятельность, но и государственная служба, участие в управлении республикой: помимо гонфалоньера, он занимал пост чиновника, принимавшего участие в выборах магистратов.

Джаночцо Манетти, флорентийский гуманист и политический деятель, в своей речи при избрании его в состав администрации по торговым делам Флоренции (40-е годы XV в.) провозглашал, что если монарх не заботится о благе подданных, он превращается в тирана. Образец демократии Манетти также видел во Флорентийской республике, «государстве, основанном купцами и ремесленниками, которые управляют им с простотой, присущей их счетным книгам». Впрочем, в другом месте Манетти утверждал, что современная ему Флоренция (и это было ближе к истине) частично представляет собой государство оптиматов, частично — пополаров, т. е. одновременно и олигархию, и демократию: *Firenze in parte degli optimati in parte popolare*²⁵. Но высказывались и иные взгляды — в защиту синьории. Гуманист Антонио Ивани из Сарцаны, канцлер Вольтерры в 1466—1471 гг. и канцлер Пистойи в 1476—1479 гг., в своих письмах и «Истории Флоренции» пытался обосновать «полезность» и «справедливость» смены коммунальных республиканских режимов синьорией, правлением «немногих достойнейших». По его словам, коммуны, хотя и руководствовались старыми идеалами свободы, на деле обладали множеством пороков, начиная от системы выборов органов коммунального управления и кончая их функционированием. Антонио Ивани находил оправдание и подчинению Флоренцией Вольтерры в 1472 г., а еще раньше — установлению господства Флоренции над Пистойей²⁶.

Известно, насколько сложной и противоречивой была политика Медици, особенно первого из этого рода фактического правителя Флорентийского государства (с 1434 г.) Козимо ди Джованни ди Биччи. Крупный банкир и купец-предприниматель, по размерам своего богатства Козимо уже в 1427 г. занимал третье место среди сограждан, а в 1457 г. — первое. Осторожный и хитрый политик, Козимо приложил немало усилий для того, чтобы, завоевав авторитет и влияние в городе как среди городской патри-

Stadtbürgertum im Feudalismus. Magdeburg, 1976; *Fasoli G.* La coscienza civica nelle «laudes civitatum»; *Re imperatori e sudditi nell'Italia del sec. X*; *Governanti e governati nei comuni cittadini italiani fra il 'XI et il XIII secolo.* — In: *Scritti di storia medievale.* Bologna, 1974; *Violante C.* La società milanese nell'età precomunale Bari, 1974.

²⁵ Брагина Л. М. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов (вторая половина XV в.). М., 1983. Литература — там же, с. 282—297.

²⁶ *Fubini R.* Antonio Ivani da Sarzano: Un teorizzatore del declino delle autonomie comunali. — In: *Egemonia fiorentina ed autonomie locali nella Toscana nord-occidentale del primo Rinascimento: vita, arte, cultura.* Pistoia, 1978, p. 143—164.

цианской элиты, так и среди более широких слоев пополанов (путем многочисленных займов и кредитов, в том числе и несостоятельным должникам, а также благотворительных акций), управлять государством, «не выдвигаясь на первый план». Он не был ни в числе синьоров, ни гонфалоньеров — высших лиц в государстве. Лишь в 1438 г., после его триумфального возвращения во Флоренцию из изгнания, он вошел в состав Комиссии десяти (*Dieci di Balìa*), игравшей важную роль в делах государства, и только в 1440 г. был в числе чиновников, принимавших участие в выборах магистратов (*ассорпиатори*). Это, однако, вовсе не исключало того факта, что на всех важных постах во Флорентийском государстве находились его сторонники и друзья. Стремление Козимо походить на простого купца своим обликом и поведением, что должно было поддерживать его авторитет среди сограждан, тем не менее уживалось с проявлениями расточительства и роскоши, свидетельством чему — постройка громадного дворца на виа Ларга, символизировавшего влияние и могущество фамилии, дворца, где он торжественно принимал германского императора Фридриха III и византийского василевса Иоанна Палеолога.

Неслучайной была неоднозначная, а порой и разноречивая оценка деятельности Козимо, в том числе его отношения к республиканским учреждениям, со стороны гуманистов. Так, Аламанно Ринуччини именовал Козимо «мудрейшим из современников, первым среди равных гражданином», а после смерти Козимо составил проект о присвоении ему титула «Отец Отечества» (*Pater Patriae*)²⁷.

Тот же Ринуччини при сыне Козимо Пьеро, который стремился ликвидировать еще сохранявшиеся демократические институты, примкнул к антимагистратской оппозиции. Он поддерживал авторитет молодого Лоренцо, но реформу 1471 г., преследовавшую цель укрепить позиции Лоренцо в Совете ста, характеризовал как «тираническую». Особенный ущерб республике, ее достоинству и авторитету, по мнению Ринуччини, был нанесен ликвидацией трех больших советов и заменой их Советом семидесяти, так как все эти постановления были направлены «против свободы народа», которая оказалась «утерянной и похороненной». В «Диалоге о свободе» Ринуччини активно поддерживает идею пополанской республики, признавая, однако, что в ней при всем ее демократизме низшие слои, плебс, которые не были в состоянии уплачивать налоги, не принимали действительно участия в управлении²⁸.

В XVI в. были широко распространены политические теории так называемого смешанного правления, образцом которого должна была стать аристократическая республика Венеция. Главная идея сторонников «смешанного правления» — Н. Макьявелли, Ф. Гвиччардини, Д. Джанотти, Ф. Патрици и др. — сочетание в государстве этого типа единоличной власти и олигархического правления с допуском в большей или меньшей мере к участию в государственных делах представителей и более широких кругов пополанства, прежде всего состоятельных его слоев (триада «Большой совет — сенат — государь»). Это должно было обеспечить относительную прочность и стабильность правления. Джанотти считал, что «смешанное правление» должно было быть ближе к республике пополаров, в которой они — владельцы недвижимости и налогоплательщики (за исключением плебса) — принимали бы участие в высшем органе государства — Большим совете, обладавшем всей полнотой законодательной власти, ведавшем вопросами войны и мира. Знать должна была бы заседать в сенате, который осуществлял свои функции лишь по указанию Большого совета. Как видим, хотя социальная база этой республики относительно широка, неимущие, плебс, наемные рабочие лишались гражданских прав, как они были

²⁷ Rubinstein N. Il governo di Firenze sotto i Medici (1434—1494). Firenze, 1971; Brucker Gene A. Firenze nel Rinascimento. Firenze, 1980.

²⁸ Брагина Л. М. Указ. соч., с. 92—116.

лишены их в действительности и при республиканских режимах, а не только в синьории ²⁹.

Протесты народных масс против тирании и олигархических режимов нашли свое отражение в более радикальных теориях переустройства общества (Ф. Альбергати, Л. Агостини, А. Ф. Дони). Альбергати оправдывал свержение деспота, но идеалом его были не демократия и не олигархия. В трактате «Великолепная республика» Альбергати изобразил монарха, который назначает или «выбирает» на срок от одного до трех лет советников и министров «из самых лучших граждан государства». Однако он отмечает, что «магистраты должны быть отобраны не из числа знатных или незнатных, бедных или богатых, фаворитов или других им подобных, а из числа добродетельных». За деятельностью магистратов наблюдают специальные лица.

Дони в «Мирах» и других произведениях решительно выступал против произвола тиранической формы правления, осуждал частную собственность, полагая, что она — источник всех пороков общества. Дони развивал идеи социального переустройства и уравнительности, защищая всеобщий труд и коллективное достояние.

Агостини в «Воображаемой республике» в качестве верховного органа государства предлагал сенат, во главе которого должен стоять правитель, избираемый всеобщим голосованием. Единственная цель правителя — служить народу. В его обязанности входит председательствовать в сенате и наблюдать за его работой. Избрание должностных лиц осуществляется при помощи двухстепенных выборов, голосами «лучших и наиболее религиозных граждан». В отличие от сторонников Венецианской республики Агостини осуждал олигархический строй, который, по его словам, «навсегда закрыл избирательные урны для всех, кроме старой знати». В его государстве правители должны быть мудры, опытные, справедливы и великодушны, выдержанны, терпеливы и умеренны ³⁰.

В краткой статье, разумеется, невозможно осветить все стороны избранной нами темы, но мы надеемся, что наши размышления послужат стимулом для дальнейших исследований этой сложной и важной проблемы.

²⁹ Чиколлини Л. С. Социальная утопия в Италии XVI — начале XVII в. М., 1980. Литература — там же, с. 368—385; *Она же*. Концепция «смешанного правления» в трудах Донато Джанотти. — В кн.: Идеино-политическая борьба в средневековом обществе. М., 1984; Рутенбург В. И. Теория и практика итальянского абсолютизма. — В кн.: Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1972.

³⁰ Чиколлини Л. С. Социальная утопия..., с. 207—310.